

18+

АМАЛИЯ РИГЕР

ВЕРА

Амалия Ригер

Вера

<https://litres.ru/74369999>

ISBN 9785007099370

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В человеке есть место, куда он не может смотреть прямо. У каждого своё, но оно есть у всех.

Дыра, провал, чернота — там, где нет ответа. Почему я здесь. Что будет потом. За что мне это. Любит ли. Не зря ли всё. Человек не выносит этого места пустым ни секунды — и закрывает его. Тем, что первым попадётся под руку. Верой.

Вера — это то, чем человек заполняет дыру, чтобы не упасть в неё.

Содержание

ВЕРА	5
ПЕРЕД ВЕРОЙ	6
Свежая	8
Вросшая	9
Сросшаяся	10
ВЕРА В ЛЮДЕЙ	13
СВЕЖАЯ	15
ВРОСШАЯ	17
СРОСШАЯСЯ	20
ВЕРА В СЛОВО	24
СВЕЖАЯ	25
ВРОСШАЯ	27
СРОСШАЯСЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вера

Амалия Ригер

© Амалия Ригер, 2026

ISBN 978-5-0070-9937-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕРА

Тому, кто сподвиг меня на эту книгу.

Тому, кому она теперь совсем не нужна.

Ты уже знаешь то, во что я здесь только верю.

Я верю, что мы встретимся.

ПЕРЕД ВЕРОЙ

Начну с пустоты, потому что с неё всё и начинается.

В человеке есть место, куда он не может смотреть прямо. У каждого своё, но оно есть у всех. Дыра, провал, чернота — там, где нет ответа. Почему я здесь. Что будет потом. За что мне это. Любит ли. Не зря ли всё. Человек не выносит этого места пустым ни секунды — и закрывает его. Тем, что первым попадётся под руку. Верой.

Вера — это то, чем человек заполняет дыру, чтобы не упасть в неё.

И это не слабость. Это устройство. Ты не выбирал верить, как не выбирал дышать. Тот, кто говорит «я ни во что не верю», просто не разглядел свою веру — он верит в то, что верить не во что, и держится за это так же слепо, как другой за икону. Безверия не бывает. Бывает вера, которая себя не знает.

Эта книга — про то, чем ты закрываешь свою дыру.

Но прежде чем мы пойдём по твоим верам одна за другой, я должна сказать главное. Без этого ты сделаешь с книгой то, что делают все с такими книгами: начнёшь срывать с себя всё подряд и решишь, что стал свободным.

Не все повязки снимаются. И это не потому, что тебе не хватает смелости.

Повязки различаются по возрасту. Не по тому, во что ты веришь, — а по тому, как давно эта вера на твоих глазах и что с ней успело произойти. Возраст решает всё: и насколько больно её снимать, и можно ли вообще, и что делать, если нельзя.

Их три.

Свежая

Ты надел её недавно, поверх конкретного случая. Ты ещё помнишь, как было без неё, и помнишь минуту, когда надел: что произошло, кто сказал, после чего ты решил. У свежей повязки есть дата.

Она держится на завязках, а не на коже. Снимается почти без боли — точнее, боль есть, но короткая, первые минуты. Работа с ней ровно одна: посмотреть. Просто посмотреть на то, что закрыто, — и повязка спадёт сама, потому что ей нечем держаться.

Опасность свежей в другом. Она кажется временной. Человек уверен, что снимет когда захочет, — и потому не снимает. А потом приходит вторая.

Вросшая

Ты носишь её годами. Она давно держится не на завязках, а на привычке — и на всём, что ты в неё вложил. У вросшей нет даты, есть период: «последние лет десять», «сколько живём вместе», «с тех пор как». Ты не помнишь начала.

С ней происходит странное: чем больше доказательств против, тем крепче ты её держишь. Это не глупость. Это арифметика: чем дольше носил, тем дороже признать, что носил зря.

Здесь «посмотреть» уже не работает. Ты и так всё видишь — краем глаза, по ночам, в те минуты, когда не успел отвернуться. Дело не в том, чтобы увидеть. Дело в том, чтобы выдержать увиденное.

И увидишь ты не то, чего боишься. Ты думаешь, что под вросшей повязкой — правда о другом человеке, о мире, о том, что ничего не выйдет. Нет. Под ней счёт себе. Сколько лет ушло. Вот с этим и не хочет встречаться никто, а вовсе не с тем, каков он на самом деле.

Вросшая снимается. Больно, долго, иногда не с первой попытки — но снимается.

Сросшаяся

Эту не снять.

Она уже не на глазах — она стала частью лица. Ты не говоришь «я смотрю сквозь неё», ты говоришь «я такой». У неё нет ни даты, ни периода: сколько себя помнишь. Ты не можешь представить, как смотрел бы без неё, — потому что смотреть было бы нечем: твоё зрение сложилось вместе с ней.

Такую повязку человек вообще не считает верой. Он считает её зрением.

Скажу то, ради чего написан весь этот кусок.

Не срывай сросшуюся. Не потому, что я тебя жалею. А потому, что это не освобождение. Сросшаяся держит не только твою слепоту — она держит тебя. Сорви её — и ты не прозреешь, ты рассыплешься. Есть люди, которые пробовали. Их не стало больше видеть; их стало меньше.

С сросшейся возможна одна работа, и она меньше, чем свобода. Знать, что она есть. Помнить, что смотришь сквозь неё. Не путать её со зрением. Это всё. И это, поверь мне, немало: человек, знающий, что смотрит сквозь повязку, — уже не слепой. Он просто не может снять очки, которые надел не он.

Теперь смотри, что обычно делает человек.

Он срывает свежие — они поддаются, и от этого возникает чувство, что он честен с собой. Он обходит вросшие — потому что за ними счёт, а платить по нему нечем. И он не подозревает о сросшихся, потому что уверен, что это не вера, а его глаза.

То есть он воюет там, где легко, отступает там, где важно, и не видит того, что решает всё.

Эта книга устроена наоборот. В каждой вере — от людей до порога — мы посмотрим все три возраста. Что там свежее, что вросшее, что срослось. И к каждому — своя работа: посмотреть, выдержать, знать.

Один вопрос будет возвращаться в каждой части, и я советую тебе научиться задавать его самому.

Сколько лет этой повязке?

Не «прав ли я». Не «хороший ли он». Сколько лет. Потому что от ответа зависит не оценка, а то, что тебе с этим делать.

И прежде чем я отниму у тебя твою веру — хоть на минуту, хоть на одну страницу, чтобы ты увидел, что под ней, — я сниму повязку с себя. Так честно. Не заставляй же тебя смотреть в свою дыру, стоя над своей с закрытыми глазами.

Я верю, что пишу эту книгу не одна.

Я верю, что человек, которого больше нет на этой земле, стоит сейчас рядом. Я не могу это проверить. Это и есть вера в чистом виде — то, за что я плачу и чего не докажу никому, включая себя.

И теперь, когда у нас есть слова, я скажу точнее.

Это сросшаяся. Не свежая, которую я надела в горе и сниму, когда отпустит. Не вросшая, которую можно выдержать и снять. Сросшаяся — та, что стала частью зрения, и без неё я не увижу ничего, включая эту книгу.

Я знаю о ней всё, что нужно знать про слепую веру. Я не сниму её. Не потому что под ней доказательство. Потому что под ней тот, кого я люблю, — и снять её значило бы согласиться, что там пусто.

Видишь? Я такая же, как ты. У меня своя дыра и своя повязка. Я не над верой — я в ней по горло, как все. И место, с которого я говорю о твоей вере, — не сухой берег. Это соседняя яма. Я просто спустилась в свою чуть раньше, чем позвала тебя посмотреть в твою.

А тебе — единственной, кому эта книга не нужна, потому что ты уже за порогом, — я скажу отдельно и коротко. И больше не назову тебя в этой книге ни разу.

Я верю, что мы встретимся. Если я права — ты прочтёшь это раньше, чем допишу. Если нет — я никогда не узнаю, что ошиблась, а значит, не проиграю. Такая уж это вера. Единственная, которую нельзя опровергнуть, — и потому самая дорогая из всех, что я знаю.

Теперь идём. Начнём с самой лёгкой. С веры в людей.

ВЕРА В ЛЮДЕЙ

Начнём с самой лёгкой. Так принято думать: вера в людей — детская, наивная, снимается первой.

Это правда ровно наполовину. Свежая вера в человека действительно снимается за один разговор. А сросшаяся — та, которой ты смотришь на собственную мать, — не снимется никогда, и мы дойдём до неё в конце этой части.

Но сначала — различие, без которого дальше нельзя.

Вера в людей звучит как добродетель. «Я верю в людей» говорят с гордостью, как говорят «я честный» или «я не держу зла». И это правда добродетель — до определённой черты.

Вот черта.

Верить человеку — значит видеть, кто он, и всё равно быть с ним. Верить в человека — значит не видеть, кто он, и держаться за того, кого придумал.

Разница в одну букву — «в». И в этой букве вся книга.

Когда ты веришь человеку, ты смотришь на него открытыми глазами. Видишь, что он делает, слышишь, что говорит, замечаешь, совпадает ли одно с другим. И на этом основании — доверяешь. Здесь нет повязки. Здесь есть проверка и решение опереться.

Когда ты веришь в человека — ты держишься не за то, что

он делает, а за то, каким он мог бы быть. За версию, которую сам создал и полюбил. И чем сильнее он показывает, что он не эта версия, тем крепче ты за неё держишься, — потому что отпустить её значит признать, что ты любил не его.

Повязка здесь — вот эта версия. Придуманный человек, надетый поверх настоящего, как картинка на треснувшее стекло.

Теперь смотрим, сколько ей лет.

СВЕЖАЯ

Ты знаешь его три месяца. Или полгода. Или год — неважно, важно, что ты помнишь, каким он показался вначале, и до сих пор смотришь на него тем первым взглядом.

Свежая вера в человека — это версия, собранная из первых впечатлений и ещё не проверенная временем. Она почти всегда красивее оригинала, и это не обман: в начале люди действительно показывают лучшее, что у них есть, и показывают искренне.

Опасность в другом. В начале ты не отличаешь то, что человек делает, от того, что он говорит, — потому что дел ещё не было, были только слова и намерения. И ты веришь намерениям. А намерения у всех прекрасные.

У свежей повязки есть дата, и её легко назвать. Тот вечер, когда он рассказал о себе, и ты подумал: вот наконец кто-то настоящий. Та минута, когда она посмотрела, и ты решил, что понят. Момент, после которого ты перестал смотреть и начал достраивать.

Работа здесь ровно одна — посмотреть. Не оценивать, не решать, не разбирать по косточкам. Просто вернуть взгляд туда, откуда ты его убрал.

Спроси себя: что этот человек уже сделал? Не сказал, не пообещал, не собирается — сделал. За те месяцы, что ты его знаешь. И совпадает ли сделанное со сказанным.

Свежая повязка спадёт сама, потому что ей не на чем держаться. Ты ещё ничего в неё не вложил. Год спустя это будет стоить тебе года, а сейчас — одного честного вечера.

Женщина, которая через месяц знакомства уже знает, что он не такой, как все.

Мужчина, объясняющий друзьям, что она просто устала, — они познакомились в апреле.

Тот, кто взял человека на работу, потому что тот на собеседовании говорил о принципах.

Та, что после трёх встреч поняла: наконец-то кто-то видит её насквозь.

Тот, кто одолжил денег новому знакомому и не взял расписку — неудобно, он же не такой.

Все они пока ничего не потеряли. Все они смотрят не на человека, а на его начало.

ВРОСШАЯ

Двадцать лет. Или двенадцать. Или восемь — важно не число, а то, что ты уже не помнишь начала.

Вот как это звучит:

«Я знаю, какой он на самом деле.»

Останови здесь взгляд. Это ключевая фраза вросшей повязки, и она гениально устроена. «На самом деле». То есть то, что он делает двадцать лет, — это не на самом деле. А на самом деле — то, что ты видела однажды, в начале, или в редкую минуту, или вообще придумала.

Ты перевернула реальность вверх ногами. То, что он делает постоянно, объявила случайным. То, что мелькнуло однажды, объявила сутью.

Повязка не просто закрывает глаза. Она переучивает их.

И вот теперь — то, чего не было в разговоре о свежей.

Ты всё видишь.

Не обманывай себя: вросшую повязку не носят вслепую. Ты видишь его двадцать лет, каждый день, во всех подробностях. Ты знаешь, что он не изменится, — знаешь ночами, в те минуты, когда не успела отвернуться, когда подруга сказала правду и ты не нашла что ответить. Ты видишь.

Значит, дело не в зрении. Работа здесь не «посмотри» — ты уже посмотрела.

Работа здесь — выдержать то, что под повязкой. А там не

он.

Там счёт себе.

Двадцать лет. Молодость. Дети, рождённые от того, кем он не был. Отказы — от других, от города, от работы, от себя, — сделанные ради версии. Вот с чем нельзя встретиться, а вовсе не с тем, каков он на самом деле.

Каков он — ты знаешь давно. А сколько ты заплатила за то, чтобы не знать, — вот с этим и не хочет встречаться никто.

Поэтому вросшая держится тем крепче, чем больше доказательств против. Это не глупость и не слабость. Это арифметика: каждый новый год делает признание дороже. Признать сегодня — списать двадцать лет. Признать через пять — списать двадцать пять. Тот, кто не может позволить себе сегодняшнюю цену, обречён платить завтрашнюю, которая выше.

Так что если ты держишься за версию вопреки очевидно-му — ты не слепая. Ты просто ещё не готова оплатить счёт.

Вросшая снимается. Это правда, и я не буду её смягчать: снимается больно, долго, чаще не с первой попытки. И снимают её не тогда, когда наконец увидят, — а тогда, когда решают, что дальнейшая плата дороже разовой.

Вопрос вросшей повязки не «какой он». А: сколько мне будет стоить признать, что я знала?

Женщина, которая двадцать лет объясняет подругам, что он хороший, просто закрытый.

Мать, которая говорит, что сын не звонит, потому что занят. Она считает дни между звонками и никому не признаётся, что считает.

Мужчина, в третий раз взявший на работу человека, дважды его подставившего.

Та, что прощает сестре всё, потому что помнит её девятилетней.

Тот, кто показывает знакомым фотографию десятилетней давности: вот какой он на самом деле.

Тот, кто ушёл — и через год вернулся, потому что за год так и не оплатил счёт, а только отсрочил.

Ни один из них не слеп. Каждый видит. Каждый считает, во что обойдётся перестать не видеть.

Я видела это столько раз, что перестала считать.

СРОСШАЯСЯ

А теперь та, ради которой стоило всё предыдущее.

Есть человек, которого ты не можешь увидеть. Не потому, что не хочешь, и не потому, что мало смотрел. А потому, что твои глаза сделаны из него.

Мать. Отец. Тот, кто растил.

Ты не веришь в них — ты ими видишь. Твоё представление о том, что нормально, а что нет; о том, как разговаривают, когда любят; о том, чего стоит ждать от людей, — сложилось из них раньше, чем ты научился думать. Это не повязка на глазах. Это то, из чего сделан хрусталик.

Поэтому попытка «увидеть мать объективно» обречена. Тот, кто смотрит, — её же изделие.

Признаки сросшейся простые. Ты не можешь назвать дату — «сколько себя помню». Ты не считаешь это верой — ты считаешь это фактами о ней. И самое верное: когда кто-то посторонний говорит о ней плохо, ты защищаешься так, будто говорят о тебе. Потому что и правда — о тебе.

Сюда же — вера в того, кого больше нет.

Умерший не может ничего добавить и ничего опровергнуть. Он застыл, и версия, которую ты о нём держишь, застыла вместе с ним. Её нечем проверить, значит, нельзя снять. Она срастается быстрее любой другой — за годы, а не за десятилетия.

Здесь я говорю то, что обязана сказать.

Не срывай эту.

Не потому что я жалею тебя или их. А потому, что за ней — не другой человек, а основание, на котором ты стоишь. Люди, которые пробуют вырвать из себя мать целиком, не начинают видеть яснее. Они начинают видеть меньше: у них не остаётся ни матери, ни того способа смотреть, который был единственным.

Работа с сросшейся одна, и она меньше, чем свобода.

Знать, что она есть.

Просто помнить: то, что я вижу, глядя на неё, — не она. Это она плюс я, и разделить нас нельзя. Помнить, что моя уверенность в том, «какая она на самом деле», — того же качества, что уверенность двадцатилетней жены из предыдущего разбора. Только моей вере не двадцать лет, а вся моя жизнь.

Это не освобождает. Но человек, который знает, что смотрит сквозь повязку, уже не слепой. Он просто носит очки, которые надел не он.

И ещё одно, ради чего эта часть кончается здесь, а не раньше.

Сросшуюся веру в человека невозможно снять, но можно не передать дальше. Ты не увидишь свою мать иначе. Но ты можешь заметить, как смотришь на своего ребёнка, — пока его хрусталик ещё делается.

Женищина, которая в сорок пять звонит матери перед

каждым решением и называет это близостью.

Мужчина, у которого все начальники похожи на отца, и он не замечает, что выбирает их сам.

Та, что не может сказать о матери ни одного плохого слова и не может провести с ней двух дней.

Тот, кто держит умершего брата святым, и никто в семье не смеет вспомнить, каким тот бывал.

Та, что говорит: у нас была нормальная семья, — и не понимает, почему её трясёт от этой фразы.

И тот, кто читает всё это и думает: у меня-то с родителями всё ясно, я давно всё про них понял.

Последний — самый слепой. Ясность и есть его повязка.

Теперь — вторая половина, без которой всё сказанное превращается в приговор.

Вера в человека, которым он мог бы быть, — самое человеческое, что в тебе есть. Ею матери вытягивают сыновей со дна. Ею дожидаются тех, кого все списали, и иногда дожидаются настоящих. Ею вообще держится любовь, потому что любить — это всегда немного верить в того, кто ещё не весь проявился.

Без этой веры ты будешь видеть людей абсолютно трезво — то есть видеть в них худшее, потому что худшее доказуемо, а лучшее всегда пока лишь возможно. Трезвый до конца человек не может любить. Он всё про всех знает и оттого один.

Вот двойное дно. Одна и та же вера вытягивает со дна и держит на дне.

И различает их не сила, а направление: живая вера в человека приближается к реальности — он и правда меняется, ты видишь шаги. Повязка отдаляется: доказательств против всё больше, а ты веришь всё крепче.

Три возраста, три работы.

Свежая: посмотри, что он уже сделал. Стоит одного честного вечера.

Вросшая: не «посмотри» — ты видишь. Посчитай, во что обойдётся признать, что видела. И реши, платить сейчас или переплачивать потом.

Сросшаяся: не снимай. Знай, что смотришь сквозь неё. И следи за тем, что делаешь с глазами тех, кто ещё растёт рядом.

Дальше — вера, которая держит все три. Потому что придуманную версию человека надо чем-то подтверждать, и подтверждают её обычно не делами, а словами.

ВЕРА В СЛОВО

Слово — единственное, что человек может дать, не имея ничего.

Отсюда и сила его, и вся беда. Дать слово ничего не стоит. Принять его — стоит иногда всей жизни.

Мы только что разобрали, как человек держится за придуманную версию другого. Теперь смотри, чем эта версия подтверждается.

Не делами. Дела как раз опровергают. Она подтверждается словами: сказанным, обещанным, объяснённым. Слово — это то, чем чинят треснувшее стекло, когда картинка на нём начинает отставать.

И вот удивительное. Человек, который двадцать раз обманулся в обещаниях одного и того же человека, на двадцать первый снова слушает и снова верит. Не потому, что глуп. Потому, что слово действует на нас помимо опыта — как запах еды на голодного, независимо от того, сколько раз обед не подавали.

СВЕЖАЯ

Тебе сказали — и ты принял это за факт.

«Я перезвоню.» «Я всё улажу.» «Мы это обсудим на следующей неделе.» «Ты для меня очень важен.»

Свежая вера в слово — это когда ты отдаёшь чужому слову власть над своими решениями. Не «он сказал, что сделает», а «раз он сказал, я уже могу на этом строить». Ты переставляешь вещи в своей жизни под чужое обещание — и тем самым сам вручаешь человеку право распоряжаться твоим завтра.

У неё всегда есть дата: тот разговор. И есть характерный признак — ты помнишь формулировку дословно, потому что прокручивал её потом не раз.

Работа с этой повязкой самая простая в книге. Подожди.

Ничего не делай, не выясняй, не требуй объяснений. Просто дай пройти сроку, о котором шла речь, — и посмотри, что случилось. Не что тебе сказали потом, почему не вышло и как всё сложно, — а случилось или нет.

Слово проверяется единственным способом: временем. Это дёшево, доступно каждому и не требует ни ума, ни смелости. Требуется только терпения не достраивать в промежутке.

Женищина, которая три недели живёт разговором о совместном отпуске. Билеты не куплены, но она уже отпроси-

лась с работы.

Мужчина, отказавшийся от предложения работы, потому что здесь ему пообещали повышение через полгода.

Тот, кто ждёт звонка, который был обещан «на днях», и считает, сколько дней входит в «дни».

Та, что услышала «я подумаю о нас» и услышала в этом «да».

Все они не обмануты. Они просто засчитали слово за дело — до срока.

ВРОСШАЯ

А теперь тот, кому верят годами вопреки всему.

«Он же обещал.»

Вот фраза этой повязки, и вслушайся, как она устроена. В ней обещание стоит выше факта. Он обещал — значит, должно быть так. То, что не так, — это ошибка реальности, а не человека.

Вросшая вера в слово выглядит как порядочность. Человек, который держится за чужие обещания, чувствует себя правым: я же верю людям, я не подозреваю без доказательств, я даю шанс. И каждый раз, когда его снова подводят, он получает подтверждение своей правоты — он-то поступил хорошо, это они плохо.

Здесь важное отличие от прошлой части. Там ты не видел человека. Здесь ты его видишь прекрасно. Ты знаешь цену его словам — и всё равно каждый раз слушаешь, как в первый.

Почему?

Потому что слово даёт передышку. Пока обещание висит в воздухе — не надо решать. Не надо уходить, требовать, менять свою жизнь. Можно ждать. Ожидание всегда легче действия, а чужое обещание — законный повод его продлить.

Вот в чём счёт под этой повязкой: годы отсрочек, взятых под чужие слова. Не он тебя обманул — это ты каждый раз

соглашался подождать ещё немного, потому что ждать было легче, чем встать и пойти.

Так что вопрос вросшей веры в слово не «зачем он обещает». Он-то как раз даёт ровно то, что у него есть. Вопрос: что я откладываю, пока жду исполнения?

Ответишь честно — повязка начнёт сходить сама.

Мужчина, которому девять лет обещают долю в деле. Он до сих пор объясняет жене, что момент неподходящий.

Женщина, которой каждый год говорят «в следующем поженимся». У неё есть коробка с вырезками, ей одиннадцать лет.

Та, чей брат клянётся отдать долг с первой же зарплаты. Зарплата было тридцать.

Тот, кто верит начальнику, а не своей трудовой книжке.

Женщина, слышавшая «я брошу» столько раз, что уже знает интонацию, с которой это говорится по-настоящему. Настоящей ещё не было.

Никто из них не глуп. Каждый берёт отсрочку и платит за неё годом.

СПРОСЫВАЮСЯ

Есть слово, которому ты веришь абсолютно и никогда не проверял.

Своё.

«Я сказал — значит, сделаю.» «Я слово держу.» «Я пообещал — всё.»

Это не самомнение. Для многих это основание личности: единственное, что человек про себя точно знает, — что он не бросает начатого и не отказывается от сказанного. Отними это — и не останется ничего, на чём стоять.

Такая вера срачивается рано. Обычно её ставят родители, одной фразой, сказанной в детстве: мужчина отвечает за свои слова; мы своё слово держим; сказала — делай. И она перестаёт быть верой, становится хребтом.

Смотри теперь, что она делает.

Человек в двадцать три года дал обещание. Себе, матери, умирающему отцу, женщине, богу — неважно. Он был тогда одним. Сейчас, в сорок семь, он другой: другая жизнь, другие силы, другое понимание. Но обещание держит, потому что дал.

И он исполняет его — не потому, что верит в дело, а потому, что верит в своё слово.

Это выглядит как верность. И это чаще всего верность — но не тому, кому обещал, а тому, кем был, когда обещал.

Человек становится исполнителем воли двадцатитрёхлетнего, который ничего не знал о жизни, но имел право распоряжаться всей его дальнейшей судьбой.

Вот почему её нельзя снять. Скажи такому человеку «твое слово ничего не стоит, ты имеешь право передумать» — и рухнет не обещание, рухнет он. Тот, кто верит в своё слово, только этим и отличается для себя от всех остальных.

Со сросшейся, как всегда, одно — знать.

Знать, что верность слову — это вера, а не добродетель. Что человек, которому ты хранишь верность, — это ты сам в прошлом. И что у него не было полномочий распоряжаться тобой сегодняшним.

Помнить об этом не значит начать нарушать. Это значит: когда исполняешь обещание, данное четверть века назад, — исполняй его как выбор, сделанный сегодня, а не как приговор, вынесенный тогда.

Разница невидима снаружи и огромна внутри.

Мужчина, который сорок лет живёт в браке ради фразы, сказанной у алтаря, и ни разу не подумал, что мог бы выбрать это заново.

Женщина, обещавшая матери не продавать дом. Дом стоит пустой, она платит за отопление.

Тот, кто пообещал себе в юности никогда не просить помощи, и в шестьдесят два тащит один то, что не поднять.

Та, что сказала «я никогда его не прощу» — и держит это как долг чести перед собой прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.